

П.Н. Милюков

**Главные течения русской исторической
мысли**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Н. Милюков**
Главные течения русской исторической мысли: Том 1 / П.Н. Милюков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-4241-9427-6

ISBN 978-5-4241-9427-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ	Стр. 1—
ВВЕДЕНІЕ	1—4

Цѣль сочиненія, 1—3. — Отношеніе его къ другимъ новѣйшимъ работамъ по русской исторіографіи; 3. — Хронологическія рамки «главныхъ теченій» и дѣленіе на періоды, 3—4.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ—ДО КАРАМЗИНА (ВКЛЮЧИТЕЛЬНО).

I. Синописи . 3—12

Положеніе «Синописа» въ ряду другихъ произведеній по русской исторіи, 5—6. — Искривленіе первоисточниковъ польской исторіографіей и вліяніе ея на «Синописи», 6—7. — Ближайшій источникъ «Синописа», 7—8. — Его содержаніе: этнографія «Синописа», 8—9. — Переработка польскаго матеріала при изложеніи княженій Владиміра Святого, Владиміра Мономаха, 9—10. — Тенденціи и схематизмъ «Синописа»; его пробѣлы, 11. — Очередныя задачи русской исторіографіи, 12.

II. Историки XVIII столѣтія 13—73

- I. Условія ученаго изслѣдованія въ XVIII вѣкѣ, 13—15. — Официальный характеръ исторіографіи, 13—14. — Границы свободнаго изслѣдованія, 14—15.
- II. Русскіе историки XVIII столѣтія, 15—53. — Татищевъ — представитель петровской эпохи, 15—16. — Усвоенное имъ міровоззрѣніе, 16—18. — Ученая подготовка Татищева и исторія его лѣтописнаго свода, 18—21. — Другія работы Татищева, 21—23. — Характеристика его, какъ ученаго, 23. — Ломоносовъ — представитель елизаветинской эпохи, 23—24. — Характеръ «Древней російской исторіи», 24—25. — Послѣдователи Ломоносова: Эмнинъ, 25—26. — Елагинъ, 26—27. — Щербатовъ и Болтинъ — представители екатерининской эпохи, 27—29. — Различіе Щербатова и Болтина, 29. — «Прагматизмъ» Щербатова, 29—30. —

Детерминизмъ Болтина въ связи съ современными ему ученіями о «физикѣ исторіи», 31—32.— Споръ о факторахъ, создающихъ человѣческіе «нравы», 32—33.— Полемика Болтина противъ рационалистическихъ объясненій Щербатова, 33.— Подготовка обоихъ къ научному труду и личныя особенности каждаго, 33—36.— Подготовительныя работы Щербатова для составленія «Исторіи», 36—39.— Подготовительныя работы Болтина, 39—42.— Исторія Леклера, 42—43.— Возраженія Болтина и ихъ характеристика (источники свѣдѣній Болтина, его историческая схема, его любимые предметы изученія), 43—48.— Полемика со Щербатовымъ; характеристика ученыхъ пріемовъ Болтина въ его «критическихъ примѣчаніяхъ» на исторію Щербатова, 48—51.— Специальные труды послѣднихъ годовъ жизни Болтина, 51—52.— Вѣрна ли сравнительная оцѣнка Болтина и Щербатова ихъ современниками и позднѣйшей исторіографіей? 52—53.

- III. Нѣмецкіе изслѣдователи русской исторіи въ XVIII вѣкѣ, 54—73.— Обстановка ихъ ученой дѣятельности, 54—55.— Байеръ, его научная подготовка, 55; его труды, 56—57.— Миллеръ, личныя обстоятельства, опредѣлившія характеръ его ученой дѣятельности, 57—59.— Его ученныя стремленія и житейскія неудачи, 59—61.— Его дѣятельность въ архивѣ иностранной коллегіи, 61—62.— Общая характеристика Миллера, какъ ученаго, 62—63.— Шлецеръ, его значеніе въ европейской исторіографіи (положеніе ея до Шлецера, значеніе идей всемірной исторіи и исторической критики, отношеніе Шлецеровскихъ научныхъ идеаловъ къ идеаламъ нашего времени), 63—68.— Личныя обстоятельства, приведшія Шлецера въ Россію, 68—69.— Поставленныя имъ здѣсь ученныя задачи, 69—70.— Первые успѣхи въ изученіи русской лѣтописи и ихъ вліяніе на установленіе метода критическаго изданія лѣтописи, 70—71.— Разстройство отношеній къ Миллеру, какъ причина односторонняго знакомства Шлецера съ источниками русской исторіи, 71—73.— Первые труды Шлецера по русской исторіи, 73.

III. Итоги исторической работы XVIII столѣтія.

74—113

- I. Итоги спеціальной работы, 74—94. 1) Вопросы исторической этнографіи, 74—79.— Протестъ Байера противъ средневѣковой этнографіи «Синописиса» и его польскихъ источниковъ, 74—75.— Популяризація его выводовъ Шлецеромъ, 75—76.— Современная русская этнографія, какъ источникъ историко-этнографическихъ гипотезъ Татищева, 76—77.— Лингвистика, какъ основа новой этнографической классификаціи Шлецера, 78—79.— 2) Разработка лѣтописей, 79—87.— Вопросъ о добросовѣстности Татищева и достовѣрности его лѣтописнаго свода, 79—80.— Ученныя пріемы Татищева, 80—82.— Обращеніе съ лѣтописями Щербатова, 82—83.— Взглядъ Шлецера на лѣтопись и его пріемы возстановленія первоначальнаго Нестора, 83—84.— Неудача его критическихъ пріемовъ и ея причины, 85—87.— 3) Разработка актовъ, 87—94.— Издательская дѣятельность Миллера, 87.— Занятія Щербатова архивными актами и переписка по

этому поводу съ Миллеромъ, 87—89.— Судьба идеи Миллера объ изданіи «дипломатическаго собранія» актовъ, 89—91.— Изданіе актовъ въ «Древней россійской Визлѣвникѣ», 91—92.— Значеніе актовъ для изученія позднѣйшихъ эпохъ русской исторіи, 92—93.— Положеніе изученія внутренней исторіи Россіи, 93—94.

- II. Обще историческіе взгляды изслѣдователей XVIII вѣка, 94—113: 1) Взглядъ на задачу историческаго изученія: русскихъ изслѣдователей, Татищева, 95; Ломоносова, 95—6; Щербатова, 96; нѣмецкихъ изслѣдователей: Миллера, 96—97; Шлецера, 97; Байера, 98.—Взгляды Болтина, 98.— 2) Отношеніе къ источникамъ, 99—101.—3) Представленія объ общемъ ходѣ русской исторіи: Татищева, 101—102; Ломоносова, 102—103; Миллера и Шлецера, 103—104; Болтина, 104—105.— Измѣненія во взглядѣ на начало исторіи; вопросъ о степени культурности древнѣйшей Россіи: полемика Болтина со Щербатовымъ, Шлецера со Шторхомъ, 105—110.— Отношеніе всѣхъ этихъ писателей къ ломоносовско-татищевской схемѣ, 110—111.—Оцѣнка ихъ споровъ въ славянофильской исторіографіи, 111—112.—Резюме, 112—113.

IV. Карамзинъ и его современники.

114—200

- I. Оцѣнка Карамзина въ русской исторіографіи, 114—118.—Положеніе его «Исторіи» въ ряду явленій исторіографіи, 114—115.—Несправедливая оцѣнка сдѣланная до Карамзина, 115—117.—Перспектъ дальнѣйшаго положенія, 117.
- II. Внѣшняя исторія карамзинскаго труда, 118—127.—Когда Карамзинъ началъ заниматься источниками русской исторіи и задумалъ свой трудъ? 119—120.—Зависимость отъ предшествовавшихъ изслѣдователей древнѣйшаго періода, 120—122.—Зависимость отъ Шлецера, 122—123, зависимость отъ Щербатова, 123—127.—Быстрота составленія «Исторіи», 127.
- III. Отношеніе Карамзина къ предшественникамъ въ методическихъ и теоретическихъ взглядахъ, 127—149.—Взглядъ на задачи исторіи, 127—130.—Примѣненіе этого взгляда въ «Исторіи государства Россійскаго»: эпитеты и украшенія рѣчи, 130; стилистическая связь событій, 131, психологическія мотивировки, 131—132; обрисовка положеній, 133—134 и характеровъ (Іоаннъ Грозный) въ «Исторіи» и источникахъ, 134—137.—«Примѣчанія» къ исторіи Карамзина, какъ свидѣтельство о его ученыхъ приемахъ. Отношеніе къ предшественникамъ, 137—139.—Сырой матеріалъ «Примѣчаній» и его отношеніе къ источникамъ Щербатовской «Исторіи», 139—143.—Усвоеніе Карамзинымъ традиціоннаго взгляда на общій ходъ русской исторіи, 143—148.—Философія «Исторіи государства Россійскаго», 148—149.
- IV. Происхожденіе исторической схемы Карамзина и его предшественниковъ, 149—159.—Источники ея въ обстоятельствахъ русской исторіи конца XV вѣка: объясненіе удѣльнаго періода княжескими раздѣлами и установленіе связи

московской «всѣя Руси» съ кievскою Русью,—какъ послѣдствіа политики Ивана III, 149—152.— Историческія гипотезы XVI вѣка для доказательства правъ Москвы на Литву и на вѣчевые города, 152—153.—Официальная легенда о преемствѣ московской государственной власти отъ византийской, 153—156.—Ея практическое употребленіе, 156—157.—Ея роль въ древнѣйшей схемѣ русской исторіи, 157—158.—Зависимость ученыхъ историковъ отъ традиціоннаго схематизма, 158—159.

V. Научная дѣятельность современниковъ Карамзина, 159—188.—Отношеніе ея къ труду Карамзина, 159—160.— Возобновленіе идеи Шлецера объ изданіи лѣтописей и учрежденіе Общества исторіи и древностей Россійскихъ, 160—162.—Первоначальная исторія Общества и причины неудачи его дѣятельности, 162—165.—Дѣятельность въ Обществѣ Калайдовича, 165—166.—Канцлеръ Н. П. Румянцевъ и его ученая «дружина», 166—168.—Возобновленіе идеи Миллера объ изданіи «дипломатическаго корпуса», 168.—Бантышъ-Каменскій и планъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», 168—169.—Попытки Румянцева сдѣлаться первымъ издателемъ русскихъ лѣтописей, 169—170.—Перемены въ ходѣ изданія «Грамотъ и договоровъ» по смерти Бантыша-Каменскаго, 170—171.—Собраніе историческихъ матеріаловъ за границей, 171—172.—Измѣненіе задачъ «Собранія грамотъ и договоровъ» и расширеніе предпріятія, 172—173.—Ходъ изданія лѣтописей и поиски за новыми лѣтописными списками, 173—174.—Поѣздки съ этою цѣлью Строева и Калайдовича, 174—175.—Ихъ результатъ, 175.—Собраніе и описаніе рукописей, какъ очередная задача ученой дѣятельности, 175—176.—Описаніе рукописей Строева и Калайдовича, 176—178.—Дѣятельность Востокова. Предложенія Строева Московскому Обществу Исторіи, 179—181.—Возобновленіе дѣятельности послѣдняго, 181—182.—Митр. Евгеній. характеръ его ученой дѣятельности, 182—183.—Его отношеніе къ румянцевскому кружку, 184—185.—Остатокъ его ученыхъ взглядовъ и отношеніе къ нему современниковъ, 185—188.

VI. Отношеніе современниковъ къ «Исторіи государства Россійскаго», 188—200.—Услуги Карамзину Тургенева и Малиновскаго, 188—190.—Отношеніе Румянцева и университетской молодежи къ задачѣ, поставленной Карамзинымъ, 190—192.—Пріемъ «Исторіи» большою публикой, 192.—интеллигентными кружками Петербурга, 192—193.—Критика «Исторіи» въ журналахъ: замѣчанія Булгарина объ отсутствіи внутренней исторіи въ трудѣ Карамзина, 194.—Замѣчанія Лелевеля о принципиальныхъ заблужденіяхъ Карамзина, 195.—Детальная критика Арцибашева, 195—196.—Резюмирующее сужденіе Погодина, 196—197.—Историческая оцѣнка дѣятельности Карамзина Полевымъ, 197—199.—Какіихъ передовыхъ идей тогдашней историографіи недоставало Карамзину? 199—200.—Общее сужденіе о его роли въ развитіи науки, 200.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ — ПОСЛѢ КАРАМЗИНА.

I. Первые попытки критической разработки и философскаго построения русской исторіи. .

201—36

- I. Общее значеніе перелома въ русской исторіографіи, 201 — 206. — Основная идея новаго періода исторіографіи, 201. — Реакція противъ рационалистическаго міровоззрѣнія XVIII вѣка, 201—202. — Отраженіе ея въ теоріяхъ общественныхъ наукъ, 202 — 203. — Первые проявленія новаго направленія въ русскихъ журналахъ, 203—205. — Положеніе университетской науки при Императорѣ Александрѣ I, 205. — Измѣненіе этого положенія съ середины двадцатыхъ годовъ, 205—206. — Переходная роль идея исторической критики, 206.
- II. Скептическая школа, какъ выраженіе перехода отъ критическихъ идей къ философскимъ, 206—226. — Ученики Шлецера и его продолжатели, 206—208. — Разница въ исходныхъ точкахъ зрѣнія исторической критики XVIII и XIX столѣтій, 209—210. — М. Т. Каченовскій и его ученая дѣятельность до появленія исторіи Карамзина, 210—212. — Критическое отношеніе къ Карамзину и дѣятельность на кафедрѣ русской исторіи, 212—213. — Новые аргументы скептической критики и отношеніе къ нимъ Каченовскаго, 213—215. — Промежуточное положеніе «скептической школы», 215—216. — Постепенное развитіе скептицизма у Каченовскаго, 216 — 217. — Крайніе выводы его университетскаго курса и появленіе ихъ въ печати въ рядѣ студенческихъ сочиненій, 218 — 219. — Слабое знакомство «скептиковъ» съ источниками, 219 — 220. — Разрушеніе ихъ гипотезъ Погодянымъ, 220—222. — «Оборона лѣтописи» Буткова, 222. — Защита «скептиковъ» съ точки зрѣнія свободы науки, 223. — Смѣшеніе «скептическаго» направленія съ критическимъ вообще, 223—224. — Дѣйствительное значеніе «скептической школы», 224. — Причина безплодія критической идеи — въ отношеніи молодежи къ этой идее и ея представителямъ, 225—226. — Увлеченіе молодежи философско-историческими идеями.
- III. Проповѣдники философскихъ идей въ двадцатыхъ годахъ, 226—241. — Поколѣніе тридцатыхъ годовъ и его предшественники, 226—228. — Д. М. Велланскій, какъ первый провозвѣстникъ шеллингизма въ Россіи, 228—229. — Отношеніе къ шеллингизму общества и правительства въ двадцатыхъ годахъ, 229. — Давыдовъ и Павловъ, 230. — В. Ф. Одоевскій и кружокъ молодыхъ московскихъ «любомудровъ», 231. — Отношеніе ихъ къ литературной дѣятельности, 231—232. — «Мнемозина», 232—233. — Разстройство кружка и Погодинъ, какъ новый представитель московскаго шеллингизма, 233—236. — Отношеніе къ нему московскихъ «любомудровъ» и выборъ его въ редакторы «Московскаго Вѣстника», 236—237. — Судьба новаго шеллингистскаго журнала, 237—238. — Представители дальнѣйшаго развитія новыхъ философскихъ идей: Надеждинъ, 239. — Полевой, 239—240. — Хомяковъ, 240. — Позднѣйшія произведенія Велланскаго, 240—241.

- IV. Приложение новых философских идей к пониманию истории, 241—263. — Основные тезисы шеллингиизма, 241—242. — Отношение мира и человека, 242—243. — Натурфилософские идеи шеллингиизма в русской передаче, 245—247. — Эстетическая деятельность человека, как орган метафизического проникновения в сущность вещей, 247—248. — Исторические приложения шеллингиизма, 248—250. — Статья И. Средняго-Камашева об «истории, как науке», 250—252. — «Афоризмы» Погодина и «История» К. Н. Лебедева, 252—253. — Закономерность и свободная воля в истории, 253—254. — Сравнение истории человечества с развитием организма, 255—256. — Возражения Лебедева против всемирно-исторического схематизма, 257. — Его «психологическая» философия истории, 258. — Физико-географические условия, как причина индивидуализации исторической схемы, 259. — Взгляд на национальность, 259—260. — Общий ход всемирно-исторического развития, 260—261. — Изъяснение взгляда на задачу исторического изучения, 261—262. — Поводы к дальнейшей, самостоятельной работе мысли во взглядах шеллингиизма на религиозный, нравственный и национальный вопросы, 262—263.
- V. Первые опыты философской конструкции русской истории, 263—306. — Последовательность и взаимная связь этих опытов, 263—264. — Отношение Н. А. Полевого к современным ему представителям русской исторической науки, 264—265. — Суждения о нем политичных исследователей, 265. — Почему Полевого нельзя считать представителем «скептической школы»? 265—266. — Почему его нельзя считать выразителем «западнического» взгляда на русскую историю? 266—267. — Применение новых философско-исторических взглядов в «Истории» Полевого, 267—268. — Всемирно-историческая роль России, 268—269. — Внутренняя закономерность русской истории, 270. — Норманский феодализм; переход его в «семейный» (удельный), как шаг вперед в развитии государственности, 270—271. — Государственная эволюция в удельном периоде: первоначальная власть старшего в роду, исключение из старшинства изговеть, переход старшинства в линию Мономаха, закупа права силой, окончательное падение власти старшего и раздробление Руси, 272—273. — «Необходимость» Монгольского ига, 273—274. — Усиление providentialной точки зрения к концу «Истории», 274—275. — Успехи идеи «закономерности» и безсилie объяснить русскую «всемирно-историческую миссию» в «Истории» Полевого, 275—276. — Роль Погодина в развитии исторической науки, 276—277. — Грубость методических приемов, 278—280. — Providentialизм, 280—281. — Теоденциозность, 281—282. — Приемы объяснения русской истории, 282—284. — Отношение к ним современников, 284—285. — Отрицатели всемирно-исторических начал в русском прошлом, 286. — И. Киреевский: недостаток духовной (античной) культуры, как причина отрешенности русского прошлого от общего хода всемирно-исторического развития, 286—287. — Усвоение европейского религиозного настроения начала XIX в., как необходимое условие русского всемирно-исторического будущего, 287. — Поправка Киреевского к шеллингистской философии истории, 287—288. — Непосредо-

вательность ея (т.-е. ученія о заимствованіи) съ точки зрѣнія тогдашней теоріи, 288—289.—П. Я. Чаадаевъ: обстановка, въ которой сложилось его мировоззрѣніе, 289—290. — Отставка, заграничное путешествіе и вліяніе теоретиковъ католической реакціи, 291—292.—Основные идеи «Писемъ о философіи исторіи», 292—293.—Отношеніе къ другимъ философско-историческимъ построєніямъ, 293—294.—Христіанство, какъ необходимое условіе непрерывнаго прогресса, 294—295.—Приближеніе къ вселенскому идеалу, какъ единственный критерій всемірно-историческаго значенія историческихъ явленій: отношеніе къ древнему міру, среднимъ вѣкамъ и реформации, 295.—Безучастность Россіи въ достиженіи христіанскаго идеала—и причины этой безучастности, 296—297.—Необходимое условіе для присоединенія ея къ всемірно-историческому процессу, 297.—Отношеніе Чаадаева къ философской исторіи русскихъ шеллингистовъ, 298—299.— Измѣненія въ его терминологіи и уступки во взглядахъ на всемірно-историческую роль Россіи, 299—302.—Протестъ противъ «новой» націоналистической школы, 302.—Примыреніе націоналистическихъ и всемірно-историческихъ элементовъ, какъ задача этой школы, 303.— Предѣлы взаимнаго пониманія Чаадаева и будущаго основателя славянофильства (И. Кирѣевскаго), 303—304.— Значеніе Чаадаева для славянофиловъ, 305—306.

Поправки и дополненія.

- Стр. 82. Кромѣ пяти указанныхъ ссылокъ Щербатова на Татищева надо еще прибавить ссылки во II томѣ, стр. 403 (тождественна по содержанию со второю, упомянутой нами) и стр. 56. Последняя цитируетъ главу VIII, § 5 Исторіи Татищева, и ту же ссылку по тому же поводу (о началѣ года съ сентября) Щербатовъ повторяетъ въ III томѣ, стр. 393.
- Стр. 86. 2-я строка снизу: Вм. «археологическая» читай «археографическая».
- Стр. 226. Вм. II читай III.
- Стр. 241. Вм. III IV.
- Стр. 263. Вм. IV V.

В В Е Д Е Н І Е.

Предлагаемые очерки имѣютъ дѣлю дать общую картину развитія и взаимной связи тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, которые осмысливали для предшествовавшихъ поколѣній специальную работу надъ русскою исторіей. Ставя себѣ такую задачу, мы тѣмъ самымъ уже принимаемъ, что существуютъ, дѣйствительно, факты, подлежащіе подобному изученію, что развитіе науки русской исторіи не бессмысленно и не случайно, что общее теченіе русской исторіографіи всегда обусловливалось нѣкоторыми основными взглядами, теоріями и системами и всегда находилось въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ развитіемъ общаго міровоззрѣнія. Разумѣется, такое общее представленіе о ходѣ развитія русской исторической науки ничего не предрѣшаетъ относительно частныхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ слишкомъ часто ученые представители нашей науки не преодолевали того естественнаго антагонизма, который существуетъ между работой спеціальнаго изслѣдователя и разработкой общей теоріи, хотя бы того же самаго предмета: очень многіе видные представители русской исторической науки были весьма плохими теоретиками, и очень многіе теоретики совсѣмъ не были спеціальными учеными. Это наблюденіе показываетъ только, что исторія учености не совпадаетъ съ исторіей науки, но оно не можетъ опровергнуть факта существованія внутренней связи между наукой и ученостью. Сознательно или безсознательно, спеціальная работа всегда направлялась какою-нибудь теоріей; пренебреженіе же къ теоріи,—если оно само не было результатомъ теоріи,—большою частью сводилось къ тому, что спеціальность становилась невольнымъ орудіемъ *отжившей* теоріи,—конечно, къ большому ущербу для значенія ея ученой работы.

Изъ сказаннаго видно, что не столько ученая работа сама по себѣ, не столько ея положительныя результаты, сколько направлявшія ее теоретическія побужденія составляютъ предметъ нашихъ послѣдующихъ наблюденій. Но и изъ числа этихъ побужденій мы будемъ останавливаться только на тѣхъ, которыя характеризуютъ «главныя теченія» русской исторической мысли, т.-е. на тѣхъ только, которыя толкали эту мысль впередъ, расширяя и углубляя ея главное русло. Не претендуя, такимъ образомъ, ни на какую библиографическую полноту и не имѣя въ виду исчерпать всего со-

держанія исторіи науки, мы должны будемъ, съ другой стороны, не разъ выходить за предѣлы исторіи науки въ чуждыя ей области: это необходимо потому, что большею частью далеко отъ собственной сферы нашей науки зарождались тѣ идеи и настроенія, которымъ суждено было играть въ этой сферѣ руководящую роль.

Пересмотрѣть съ указанною цѣлью главнѣйшіе факты русской исторіографіи будетъ, какъ кажется, дѣломъ далеко не лишнимъ, особенно въ наше время. Теоретическія воззрѣнія на задачи историческаго изученія такъ быстро развивались во второй половинѣ нашего вѣка, что даже въ болѣе обильныхъ историческихъ литературахъ, чѣмъ наша, теорія далеко обогнала специальную разработку историческаго матеріала. Поставить вопросъ несравненно легче, конечно, чѣмъ обработать нужныя для отвѣта на него историческія данныя. Такимъ образомъ, съ новыми вопросами намъ приходится чаще всего обращаться къ старой, наличной литературѣ. Между тѣмъ, у этой литературы есть, такъ сказать, своя психологія и патологія: она, — эта литература — ставила когда-то *свои* вопросы, не похожіе на наши и существенно обусловившіе содержаніе даваемыхъ ею отвѣтовъ. Тѣ, старые вопросы теперь давно забыты, а отвѣты, на нихъ данныя, продолжаютъ циркулировать въ ученомъ обращеніи. Тамъ, гдѣ ученая циркуляція совершается быстро, часто подвергается пересмотру и старый ученый матеріалъ, и сдѣланные изъ него выводы. У насъ эти выводы держатся иногда десяти лѣтъ, пока дождутся своей проверки. Такимъ образомъ, нашъ ученый, а тѣмъ болѣе популярно-историческій обиходъ составляется изъ цѣлаго ряда разновременныхъ наслоеній, исторію и происхожденіе которыхъ мы не всегда помнимъ, но которыя одинаково употребляемъ въ дѣло при собственныхъ построеніяхъ. Это — точно истертая отъ употребленія монета на какомъ-нибудь глухомъ, варварскомъ рынкѣ: деньги разныхъ временъ и различныхъ націй; всѣ онѣ одинаково идутъ въ оборотъ, но только нумизматъ можетъ опредѣлить по остаткамъ чекана происхожденіе и первоначальную цѣнность каждой.

Нѣчто подобное предстоитъ сдѣлать и исторіку нашей науки. Разсматривая продукты старой исторической литературы, какъ отслоенія бывшихъ моментовъ теоретической мысли, онъ долженъ для каждаго изъ нихъ найти тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ этотъ продуктъ былъ созданъ, возстановить, такъ сказать, ту быдую жизнь, которою жило когда-то каждое изъ этихъ созданій. Возстановляя, такимъ образомъ, эти явленія старой исторической литературы въ ихъ *временномъ* и *мѣстномъ* значеніи, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ ихъ значенія абсолютнаго и, слѣдовательно, освобождаетъ обиходъ современной мысли отъ множества историческихъ аксіомъ, принятыхъ на вѣру изъ старыхъ историческихъ произведеній. При этомъ, конечно, всегда можетъ возникнуть споръ: одинъ наблюдатель склоненъ будетъ считать *отжившимъ* и *мертвымъ* то, что другой объявитъ *живымъ* и *живучимъ*: это — вопросъ личной точки зрѣнія каждаго. Но что и при этомъ разногласіи не будетъ подлежать спору и что, можетъ быть, помо-